

ФИЛОСОФИЯ КАНТА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО КАНТОВЕДЕНИЯ

Современные интерпретации философии Канта весьма многочисленны. Основоположнику немецкой классической философии всегда уделялось большое внимание не только в историко-философских исследованиях, но и там, где требовалось обосновать тот или иной тип философствования. К авторитету Канта прибегали все. Правда, засилье неокантианских истолкований на рубеже веков привело (примерно до 1924 г., когда отмечалось 200-летие со дня его рождения) к временному оттоку внимания к его учению со стороны философов непозитивистской ориентации. (На это обстоятельство обращает внимание, в частности, американский исследователь Дж. Коллинз)¹. Однако после этой даты количество публикаций, посвященных его философии, постоянно возрастало. Ныне это стремление опереться на Канта получило новые импульсы. Между 1953 и 1978 гг. только на западноевропейских языках было опубликовано по меньшей мере 4 тысячи оригинальных работ, как об этом свидетельствуют библиографии, публикуемые Р. Мальтером в «Кант-Штудиен»², а также в материалах III Международного кантовского конгресса³.

Широко отмечавшийся юбилей, посвященный 250-летию Канта, свидетельствовал о дальнейшем расширении интереса к его философии во всем мире. В Майнце состоялся международный конгресс, на котором присутствовало 500 человек из 25 стран, было заслушано 141 выступление, материалы публиковались затем в трех огромных книгах⁴. Во многих странах — Канаде, Индии, Японии, Венесуэле, Италии, США, Франции, не говоря уже о ФРГ, — прошли конгрессы и научные симпозиумы, появились многочисленные исследования. Единственной страной, не откликнувшейся на юбилей, была Великобритания; слабый знак внимания выразился лишь в том, что одна из газет прокомментировала статью в «Правде», посвященную Канту⁵.

Весьма активно в эти дни выступали кантоведы. В связи с юбилеем выявились совершенно новые имена в изучении кантовского наследия. Известные философы отдали дань памятной дате новыми исследованиями. Так, по нашим данным, известный западногерманский специалист по Канту Герхард Функе в дни юбилея выступил публично в печати не менее шести раз⁶. Красноречиво свидетельствуют о внимании к Канту и материалы XI философского конгресса (ФРГ, 1975 г.), в которых он цитировался наиболее часто⁷.

Чем объясняется такое возрастание интереса на Западе к кантовскому наследию? Известно, что история философии входит в предмет философской науки, поэтому обращение

к истокам имеет не чисто исторический интерес: оно является и предпосылкой, и полем обсуждения общих проблем философии. Учение Канта в этом смысле актуально в огромной мере, поскольку в нем наиболее глубоко и всесторонне поставлены основополагающие проблемы философии нового времени; им намечены пути решения таких проблем, которыми и ныне продолжает заниматься философия. К сказанному добавляется и то обстоятельство, что приспособление идей прошлого необходимо современной буржуазной идеологии как никогда.

Это — знамение времени, лишенного творческого импульса и занятого перелицовкой исторического багажа. Современную эпоху, без сомнения, можно назвать веком интерпретаций, в которых Канту «повезло» больше других: изучение его идей стимулируется и идеологическими нуждами. Открытость системы Канта, его историзм, философско-исторический оптимизм, четкое осмысление возможностей и пределов знания, строгие и отличающиеся особой глубиной его этическая и эстетическая программы, порожденные в эпоху подъема буржуазного сознания, теперь, в период глубокого упадка духовных ценностей буржуазного общества, служат ориентирами в поисках смысла бытия, в обосновании возможностей познания, в осмыслении путей истории и поведения человека.

Современная эпоха — время интерпретаций, и это находит свое выражение также и в том, чтобы с помощью Канта решить конкретные проблемы отдельных отраслей философского знания. В отличие от прежних эпох современные интерпретаторы отказываются, как правило, от целостного осмысления кантовского наследия, они сосредоточивают внимание на обсуждении отдельных проблем, рассматриваемых чаще всего в тесной связи с тем, как они решаются сегодня в конкретных областях знания.

Когда-то Фихте заявлял, что только он (а не сам Кант) излагает истинное учение Канта и может построить систему, во многом противоположную взглядам кенигсбергского философа. Гегель считал, что только он дал правильное решение проблем, поставленных Кантом. Неокантианцы во второй половине XIX в. бросили лозунг «назад к Канту», но создали свое учение, ограничив его в первую очередь гносеологической проблематикой. Сегодняшняя ситуация характеризуется распадом образов Канта, сложившихся в пределах той или иной школы. Исчезли кантианцы и кантианизмы, и основательнее, чем когда-либо, идет речь о самом Канте. Говоря о высокой конъюнктуре научного изучения Канта, следует подчеркнуть, прежде всего, внутридисциплинарно обусловленное обращение к нему. Ныне мало кто осмелился бы назвать себя экспертом по Канту. Конкретный подход к проблемам, тесно связанный с отдельными науками, составляет большую часть публикаций.

Современная эпоха — время интерпретаций, и ее отличительная черта состоит также и в бурном возрастании числа историко-философских исследований, обсуждающих предпосылки, возникновение, формирование, эволюцию и т. д. критицизма, его философский контекст и параллели, скрытую и открытую полемику, смысл понятий, принципов и терминов и т. п. Характерным является появление работ, посвященных анализу наличных интерпретаций кантовского наследия — возникновение своего рода истории изучения кантовских идей. Такого рода обсуждение ведется, к примеру, уже в течение ряда лет в связи с работами известного кантоведа Хайнца Хаймзета. В этой связи большой интерес представляет сборник, посвященный творчеству Хаймзета, работы Х. Вагнера, Г. Функе, а также анализ трудов не только Хаймзета, но и Г. Мартина, Г. Лемана и т. п. в книге Герхардта и Каульбаха о Канте и многие другие⁸.

Каковы основные направления современных истолкований Канта и как выражаются в них характерные черты и особенности его философии?

Прежде всего следует отметить повсеместное распространение так называемых метафизических в широком смысле слова интерпретаций, начало которых относится к ряду работ, вышедших в связи с юбилеем Канта в 1924 г., когда выявился так называемый онтологический подход, четко отличающийся от неокантианского. Метафизическое осмысление историко-философского процесса было велением времени: оно стало попыткой преодоления кризисного состояния буржуазного сознания после первой мировой войны, что выразилось в поисках нового смыслообразующего начала, в надежде вернуть доверие разуму с помощью философии Канта. В распавшемся на две противоположные системы мире большое значение приобрело учение Канта о вечном мире. К этому добавилась потребность вернуть в философию и придать новый смысл понятию бытия, утраченному в результате неокантианского засилья; именно в этом плане трансцендентальный принцип получил онтологическое истолкование. И, наконец, в противовес неокантианскому подходу, отграничивавшему Канта от историко-философского контекста, возникли попытки осмыслить кантовское наследие не только систематически, но и исторически с учетом его предшественников и исторической традиции в целом.

Именно тогда в метафизических интерпретациях, как показал Г. Функе, на первый план выступили проблемы личности и ее исторического становления, обсуждение задач метафизического знания, попытки использовать политические идеи Канта для постижения движения к будущему и т. п.⁹ В этом смысле программной была работа Х. Хаймзета «Сознание личности и вещи в себе в философии Канта», где он пытался связать проблемы самосознания, бытия и разума¹⁰. В четырехтомном

труде «Трансцендентальная диалектика. Комментарий к «Критике чистого разума» Канта» Хаймзет стремился, выделив метафизическую проблематику, представить ее в широком охвате понятийных и проблемно-исторических взаимосвязей, в единстве систематического и исторического аспектов¹¹.

В наши дни недоверие к «метафизике» (т. е. теории, решающей извечные философские проблемы) стало еще более глубоким не только из-за ее неспособности ответить на жгучие проблемы времени, но также и потому, что бурный прогресс науки, потребовавший осмысления целого комплекса теоретико-познавательных проблем, стимулировал претензию науки ограничить философское знание рамками собственной методологии, пытавшейся оттеснить метафизику за его пределы. Метафизическое прочтение Канта, как считают многие на Западе, призвано легитимизировать саму метафизику. И. И. Пачкаева совершенно справедливо указывает на преимущественно метафизические истолкования философии Канта, принятые ныне в ФРГ¹². Но в иных странах и регионах подходы этого рода также имеют место, хотя и в меньшей степени.

Известные западногерманские специалисты по Канту метафизического направления Ф. Каульбах и Ф. Герхардт в недавно вышедшей книге о Канте¹³ возлагают все надежды на возрождение метафизики с помощью самоновейших интерпретаций его философии. Они весьма высококого мнения о попытках свести воедино метафизический подход и философию науки, использовать в метафизической интерпретации лингвистический и герменевтический методы, которые должны выявить скрытый смысл философии Канта, сущность его основных понятий, движение мысли представить в ее единстве и диалогичности.

В этом плане является показательным труд Г. Мартина «Иммануил Кант. Онтология и теория науки» (1950). В нем Мартин стремится объединить метафизические и научно-методологические вопросы, используя в качестве руководства идеи Канта, привлекая для анализа герменевтику¹⁴. Открытие в языке Канта скрытого смысла должно, по мысли М. Зоммера, привести к прояснению сущности его основных понятий, представить движение его мысли в ее целостности¹⁵. Считается, что при таком подходе обогащаются традиционные методы исследования философских текстов. На самом деле сплошь и рядом в подобных случаях имеет место не обогащение традиционных методов, а простое их смешение, эклектический подход.

Нет единства и в интерпретациях Канта в русле аналитической философии. В целом работы этого рода отмечены стремлением редуцировать кантовскую мысль к логико-методологическим пределам. Кантовские тексты рассматриваются как система высказываний, которая испытывается на прочность. При этом настойчиво пытаются выявить дедуктивную конструкцию

его теоретической философии, различая в этом плане конструктивную и негативную части его системы, разводя в стороны трансцендентальный идеализм и научно-теоретический комплекс проблем (учение о пространстве-времени, философию математики, проблему опыта, теорию познания и т. п.). К примеру, В. Штегмюллер пытается истолковать кантовские синтетические суждения априори, которые прежде не имели признания у аналитиков, в духе аналитической философии в качестве элемента теории науки. Поскольку эти суждения основаны не на логических рассуждениях и не имеют эмпирической основы, речь идет, как он считает, всего лишь о построении прогностических предложений в логическом контексте научного знания¹⁶.

Дж. Беннет в своей работе «Диалектика Канта»¹⁷ подгоняет кантовскую диалектику и трансцендентальную эстетику к целям лингвистического анализа. При этом масштаб исследования измеряется не систематическим изучением трансцендентальной философии, а потребностями современной логики и теории науки.

Другой тип аналитических интерпретаций, вызвавший в последние годы большую полемику, связан с именем П. Стросона, который в своей работе «Пределы смысла»¹⁸ пытался перевести на уровень аналитических представлений понятийный язык трансцендентальной философии в сфере обсуждения человеческого опыта, аналитики, трансцендентальной дедукции категорий и т. д.

Ф. Герхардт и Ф. Каульбах упрекают П. Стросона в предельно узкой трактовке кантовской философии, какая «не снилась даже неокантианцам»¹⁹. Подобный упрек не удивителен со стороны сторонников метафизики, поскольку П. Стросон тщательно выявляет антиметафизические доводы Канта. Но при этом сам Стросон, в свою очередь, озабочен намерением, как показала Т. Н. Панченко, вернуть в лоно аналитической философии метафизические сюжеты, стараясь придать этому типу философствования метафизические предпосылки²⁰. Именно эта установка предопределила стросоновское понимание учения Канта о необходимых условиях возможности опыта, трактуемого им как «субъективный путь через объективный мир»²¹, когда, по сути дела, он не видит принципиальной разницы между внутренним и внешним восприятием, в результате чего Кант возвращается на юмовские позиции. Т. Н. Панченко показала, как в дискуссии, развернувшейся после работы Стросона, скрестили копыя с ним чистые аналитики, упрекавшие его в подтягивании идей Канта к нуждам собственной доктрины²². Но с другой стороны, и в иных работах последних лет, отмеченных печатью аналитической философии, можно найти стремление связать современные логические проблемы с нуждами сего-

дняшнего дня, с конкретными задачами того или иного философского подхода.

XI философский конгресс ФРГ (1975 г.), в котором были представлены главным образом сторонники «Теории науки» (Wissenschaftstheorie), имевший своей темой «Логика и методологию гуманитарных наук»²³, был отмечен стремлением найти пути применения результатов философии науки к гуманитарному знанию — к этике, философии истории, проблеме объяснения, опираясь в том числе и на кантовское наследие²⁴.

В трудах Л. Бэка (США)²⁵ присутствует стремление дать историко-систематическое изложение учения Канта и в то же время несколько смягчить односторонность аналитических интерпретаций указанием, например, на неправомочность сведения синтетических суждений априори к простой дедукции или к логическому анализу, который должен предшествовать синтезу. В работах Л. Бэка выражена потребность (на самом деле свойственная не только ему) выйти с помощью Канта за узкие пределы аналитического метода, аналогичная попыткам истолкователей метафизической ориентации переступить собственные возможности, обращаясь к анализу языка. К сожалению, и в том, и в другом случае речь идет не о плодотворном синтезе, а о смещении позиций и об усилении упреков в непоследовательности и ограниченности.

Помимо этих основных подходов, встречаются многочисленные попытки истолковать философию Канта в духе психоанализа и религиозной философии и т. д. Так, Л. Фейер в статье «Необузданные чувства и категорические запреты как подсознательные источники философии Канта» следует фрейдистским канонам интерпретации и путем весьма произвольного истолкования фактов его биографии пытается объяснить источники фундаментальных понятий кантовской философии, оставаясь исключительно в границах психоанализа, что ничего не прибавляет для понимания его системы²⁶.

Распространившиеся в 50-е годы попытки притянуть учение Канта к нуждам неотолизма, ярче обеспечить синтез идей Фомы Аквинского и основоположника немецкой классической философии²⁷ были критически рассмотрены в свое время И. Харцем²⁸, ныне они повторяются во многих публикациях неотолистов, приуроченных как к юбилею Канта 1974 г., так и к юбилею Фомы (в 1974 г. исполнилось 700 лет со дня его смерти). В религиозном духе стремится обосновать развитие этических взглядов Канта английский религиовед К. Уорд. Отметив внецерковный характер кантовской философии и то, что религия рассматривается в ней как неподдающееся познанию дополнение к нравственности, он в то же время придает исключительное значение телеологическому характеру кантовской этики именно потому, что она имеет, с его точки зрения, религиоз-

ный характер; при этом он идентифицирует бога с практическим разумом и т. п.²⁹

Сегодняшняя ситуация характеризуется тем, что на первом плане находится не традиция трудов, а производство проблем. «Трансцендентальную философию расчленяют на отдельные тексты, куски теории и образцы аргументации, каждый раз в тесной зависимости от заданной проблемы и средств исследования»³⁰. При этом достигается много новых и значительных результатов, но кантовская мысль, которая служит исходным пунктом или канвой для рассуждений, лишенная своего контекста, сплошь и рядом трактуется произвольно, либо извращается.

Правда, история метафизики не может отвлекаться от развития кантовской философии из предыдущих ступеней мышления. Само движение учения Канта от докритического периода к критическому представляет для метафизически ориентированных исследований большой интерес. Именно они осуществляли критическое изучение и издание текстов Канта. Г. Леман видит свою задачу в изучении развития идей Канта, стремясь понять как динамику, так и статику его мысли. Так, в трансцендентальной диалектике Леман находит выражение диалогично-диалектического характера рассуждений, свойственных Канту уже в молодые годы³¹. В этом же ключе работает и Г. Мартин, рассматривающий место различения аналитических и синтетических суждений в системе Канта и у его предшественников³².

Исторический анализ текстов, терминов, понятий, эволюции критицизма и т. д. в конечном счете позволяет создать достаточно объективное представление о месте философии Канта в истории философской мысли. Историко-философские исследования кантовского наследия в современной литературе весьма представительны, и они принадлежат отнюдь не только метафизикам, как утверждают Ф. Герхардт и Ф. Каульбах³³. В этих работах исследуется становление и эволюция критицизма, влияние традиции на философию Канта, соотношение докритических и критических идей, историческое развитие кантовской терминологии и т. д. Однако в рамках аналитической философии многие исследователи остаются глухими к историческому контексту учения Канта, как это было в свое время с кантианцами³⁴. Недооценкой роли Канта отличается книга известного французского гегелеведа Александра Кожева, для которого философия Канта теряет самостоятельное значение и рассматривается лишь в качестве введения в изложение философии Гегеля³⁵.

В последние годы все чаще раздаются голоса, выступающие против атомизации кантовского наследия, против абсолютизации филологических методов исследования. Можно отметить такого рода стремление Х. Патона, о котором говорит У. Уэлш³⁶. Особое внимание в этой связи уделяется вопросу о единстве

системы Канта и ее особенностях. Г. Леман рассматривает способность суждения как ведущий мотив критической философии³⁷. Х. Мертенс подчеркивает, что система Канта означает открытую структуру гибких отношений, где каждый элемент имеет определенное место во взаимодействии с другими элементами этих отношений³⁸. В свою очередь, В. Бартушат приходит к выводу, что третья «Критика» занимает центральное место в системе Канта. Способность суждения в «Критике чистого разума» образует связь между конститутивным принципом и данностью. Разрыв между чувственностью и рассудком, по Бартушату, преодолевается во второй части «Критики способности суждения», которая может рассматриваться как своего рода дополнение диалектики³⁹. «Решающим для кантовской системы, — пишут Ф. Герхардт и Ф. Каульбах, — является то, что она не только не ведет к идентичности свободы и природы, но и не хочет к этому идти. Только в осмыслении различий выступает человек, ищущий красоты и смысла своего наличного бытия, как исторически точно обозначенная точка пересечения обеих областей»⁴⁰. П. Хайнтель, соединяя историзм с принципом субъективности, видит в кантовском единстве целей и гармонии природы и разума предпосылку целостности его системы⁴¹.

Какие же темы кантовской философии привлекают наибольшее внимание и порождают наиболее многочисленные исследования? По-прежнему преимущественное внимание уделяется теоретической философии Канта; большинство работ посвящено отдельным ее проблемам, порой весьма существенным.

Ряд работ посвящен анализу происхождения и природы кантовского трансцендентализма. Д. Хенрих⁴², обсуждая вопрос об аналитических и синтетических суждениях, отмечал, что первые основаны на логическом принципе идентичности и, соответственно, противоречии, а вторые имеют трансцендентальную функцию в отношении вещественной реальности. Можно упомянуть также рассмотрение Норбертом Хинске⁴³ термина «трансцендентальный», выделяющим следующие фазы формирования этого понятия: 1) в 1770—1778 г. трансцендентальная философия рассматривалась как чистое познание априори; 2) в первом издании «Критики чистого разума» понятие *трансцендентальный* распространяется на все априорные представления, включая созерцание; 3) вопрос: «Как возможны синтетические суждения априори?» требует рассматривать возможность познания в связи с требованиями объективности.

Широко обсуждался принцип трансцендентализма на Международном кантовском конгрессе 1974 г. в докладах К. Багхи, Р. Бубнера, Г. Берда, П. Роза и др. Р. Уокер в своей работе о Канте считает трансцендентальную аргументацию Канта в целом мало плодотворной, хотя трансцендентальный идеализм привлекает его главным образом критикой традиционной метафизики⁴⁴.

Понятие «вещь сама по себе» всегда было объектом полемики⁴⁵. Но после работ Г. Праусса, которого Ф. Герхард и Ф. Каульбах совершенно напрасно причислили к аналитическому направлению кантовских интерпретаций, у кантоведов резко вырос интерес к этой проблеме, к понятию феноменального и noumenального миров. В полемике о вещи самой по себе ярче всего проявляется онтологическое и аналитическое размежевание в истолкованиях Канта⁴⁶.

Весьма многочисленны работы о становлении кантовской этики и эстетики и их месте в трансцендентальной философии. При этом и здесь четко выявляется главный интерес ряда исследователей с помощью кантовского наследия дать историческое и систематическое изложение новой картины метафизики, либо осуществить нужды аналитической философии.

Актуальность в наши дни проблем практики и художественного освоения мира бесспорна. Их осмысление невозможно без обращения к достижениям Канта, исследовавшего разумные основы человеческого поведения в единстве всех видов деятельности. И в этом плане исследование генезиса основных частей философии Канта есть нечто большее, чем историческое введение к интерпретации его главных произведений.

Один только перечень работ, исследующих частные проблемы, далеко превысит объем данной статьи и в содержательном отношении ничего не даст. Необходимо специальное их рассмотрение. Здесь мы отметим лишь, что в работах, как правило, отсутствует целостный исходный принцип, в результате чего теряются самые существенные достижения критической философии, а отдельные ее положения «растаскиваются» для прагматических целей. Так, например, анализ М. Морицем формальной структуры категорического императива с позиций утилитаристской этики лишает это центральное понятие кантовской системы глубины и придает ему поразительную банальность⁴⁷. В то же время в ряде работ можно отчетливо проследить тенденцию антиригористического подхода к оценке морали у Канта, как это имеет место в работах Н. Бэллу и др.

Осмысление тех или иных попыток целостного подхода к кантовской философии, к постановке конкретных проблем и способов их решения позволяет дать ответ на вопрос, почему в эпоху, когда отсутствуют собственные новые позитивные идеи, когда философствовать значит интерпретировать, философы всех направлений обращают свои взоры к учению основоположника немецкой классической философии. Изучение этих работ дает картину того, как с помощью идей Канта различные течения современной буржуазной мысли пытаются отстоять свое право на жизнь.

Выявленная Кантом и глубоко обоснованная связь между знанием о мире, ориентирами практической и эстетической деятельности и научным методом в их единстве, потребность в

котором настоятельно необходима для нашего времени, побуждает современных авторов искать общей укорененности у Канта: проясняя значение его идей для отдельных отраслей знания, они придают этим отраслям смысл.

Другое обстоятельство заключается в попытках опереться на те прочные теоретико-познавательные, этические и эстетические основания кантовской системы, которые придают философии оптимистическое звучание, ныне утраченное, но столь необходимое для современной духовной ситуации на Западе.

В. И. Ленин указывал, что основной чертой философии Канта является «примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений»⁴⁸. Из этого следует, что адекватное понимание Канта невозможно без его материалистического прочтения. Современное буржуазное кантоведение, исходным методологическим принципом которого остается традиционный для буржуазного философствования идеализм, показывает, что оно неспособно дать подлинно научное осмысление учения Канта, также как решить с помощью его философии актуальные сегодня задачи развития самого буржуазного философствования.

¹ См.: Collins J. Interpreting modern philosophy, N. Y., 1972, p. 273.

² См.: Malter R. Kant-Bibliographie. 1970. — «Kant-Studien», B., 1972, Jg 63, № 4, S. 515—527; Kant-Bibliographie. 1971, ibid., 1973, Jg 64, № 4, S. 520—530; Kant Bibliographie, 1972, ibid, 1974, Jg 65, № 4, S. 491—508; Kant-Bibliographie. 1973, ibid, 1976, Jg 67, № 1, S. 120—140; Kant-Bibliographie. 1974, ibid, 1977, Jg 68, №2, S. 217—273; Kant-Bibliographie. 1975, ibid., 1978, Jg 69, №4, S. 472—498; Dissertationen zur Kantischen Philosophie. 1954—1976. Ibid., 1979, Jg 70, № 3, S. 356—376.

³ См.: Proceeding of the 3d international Kant Congress. Univ. of Rochester. March 30 — april 4, 1970. Dordrecht (Holl.), 1972, p. 3—16; 16—46.

⁴ См.: Akten des 4 Intern. Kant-Kongresses. Mainz, 6—10 Apr. 1974. — «Kant-Studien», B., 1974, Jg 65, S.—H., T. 1. 310 S.; C. 2. Ht. 1—2, 983 S.

⁵ См.: Malter R. Kant nach 250-Jahren. Bericht über das Jubiläumsjahr 1974. — «Kant-Studien», B., 1977, Jg 68, № 2, S. 135—216.

⁶ См.: Funke G. Von der Aktualität Kant. Bonn, 1979, S. 7.

⁷ См.: Logik. Ethik. Theorie der Geisteswissenschaften. XI. Deutscher Kongress für Philosophie. Hamburg, 1977.

⁸ См.: Kritik und Metaphysik. Studien für Heinz Heimsoeth zum achtzigsten Geburtstag. Hrsg. von F. Kaulbach und J. Ritter, B., 1966, Wagner H. Zur Kantinterpretation des Gegenwart; Rudolf Zochner und Heinz Heimsoeth. — «Kant-Studien», Jg 53, № 2, B., 1961/1962, S. 235—254; Funke G. Von der Aktualität Kant, Bonn, 1979, S. 181—237; Funke G. Der Weg zur ontologischen Kantinterpretation. — «Kant-Studien», B., 1972, Jg 62, N. Y. S. 446—466; Gerhardt V., Kaulbach F. Kant. Darmstadt, 1979.

⁹ См.: Funke G. Die Diskussion um die metaphysische Kant-interpretation. — «Kant-Studien», Jg 67, H. 3, B., 1976, S. 409—424.

¹⁰ См.: Heimsoeth H. Persönlichkeitsbewusstsein und Ding an sich in der kantischen Philosophie. — In: Heimsoeth H. Studien zur Philosophie I. Kants, B., 1956, Bd. 1. S.

⁴¹ Heimsoeth H. Transzendente Dialektik. Ein Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Bd. 1—4, B.-N. Y., 1966—1971.

¹² См.: Пачкаева И. И. Некоторые современные интерпретации философии Канта в ФРГ. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978, вып. 3, с. 118.

¹³ См.: Gerhardt V., Kaulbach F. Op. cit.

¹⁴ См.: Martin G. Immanuel Kant. *Ontologie und Wissenschaftstheorie*. В., 1969.

¹⁵ См.: Sommer M. *Die Selbsterhaltung der Vernunft*. Stuttgart-Bad Cannstadt, 1977.

¹⁶ См.: Stegmüller W. *Gedanken über eine mögliche rationale Aufsätze zu Kant und Wittgenstein*. Darmstadt, 1970.

¹⁷ См.: Bennet J. *Kant's dialectic*. Cambridge, 1974.

¹⁸ См.: Strowson P. E. *The bounds of sens. An essays of Kant's Critique of pure reason*, L., 1966.

¹⁹ См.: Gerhardt V., Kaulbach F., Op. cit., S. 25.

²⁰ См.: Панченко Т. Н. *Дескриптивная метафизика Питера Стросона*. — Вопросы философии, 1979, № 11, с. 158—167.

²¹ Панченко Т. Н. *Питер Стросон в роли аналитического интерпретатора кантовской философии*. — Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1980, вып. 5, с. 101.

²² См. там же, с. 106—107.

²³ См.: Logik. Ethik. Theorie der Geisteswissenschaften. XI. Deutscher Kongress für Philosophie. Hamburg, 1977.

²⁴ См.: Гулыга А. В., Никифоров А. Л. *Философская ситуация в ФРГ сегодня*. — Вопросы философии, 1978, № 6, с. 125—134.

²⁵ См.: Beck L. *Studies in the philosophy of Kant*. — Indianapolis/N. Y., 1965; *Kant studies today*. Ed. by Beck L., La Saile (Ill), 1969.

²⁶ См.: Feuer L. S. *Lawless sensations and categorial defences. The unconscious sources of Kant's philosophy*. — In: «*Psychoanalysis and philosophy*». N. Y., 1970, p. 76—125.

²⁷ См.: *Kant und Scholastik heute*. Pullach, 1955.

²⁸ См.: Harz J. *Kant und die Scholastik-Neoscholastik und Kant*. Leipzig, 1971.

²⁹ См.: Ward K. *The development of Kant's view of ethics*. Oxford, 1972.

³⁰ См.: Gerhardt V., Kaulbach F. Op. cit., S. 2.

³¹ См.: Lehman G. *Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants*, В., 1969.

³² См.: Martin G., Op. cit., S. 312.

³³ См.: Gerhardt V., Kaulbach F. Op. cit., S. 120.

³⁴ См.: *Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции*. М., 1978.

³⁵ См.: Kojève A. *Kant*. P., 1973.

³⁶ См.: Welsh W. H. J. Paton (1889—1969). — «*Kant-Studien*», В., 1970, Jg 61, N 4, S. 427—432.

³⁷ См.: Lehman G. Op. cit., S. 5.

³⁸ См.: Mertens H. *Kommentar zur Ersten Einleitung in Kants Kritik der Urteilskraft*. München, 1975, S. 230.

³⁹ См.: Bartuschat W. *Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft*. Fr./M., 1972, S. 54.

⁴⁰ См.: Gerhardt G., Kaulbach F. Op. cit., S. 111.

⁴¹ См.: Heintel P. *Bedeutung der Kritik der ästhetischen Urteilskraft für die transzendente Systematik*, Bonn, 1970.

⁴² См.: Heinrich D. *Kants Denken 1762/63. Über den Ursprungs der Unterscheidung analytischer und synthetischer Urteile*. — In: Guerouff u. a. *Studien zu Kant philosophischer Entwicklung*. 1967, S. 9—13.

⁴³ См.: Hinske N. *Kants Weg zur Transzendentalphilosophie*. Stuttgart, 1970.

⁴⁴ См.: Walker R. Ch. *Kant*. L., 1978.

⁴⁵ См.: Абрамян Л. А. Многообразие и единство кантовского понятия о вещи в себе. — Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978, вып. 3, с. 19—27.

⁴⁶ См.: Prauss G. Erscheinung bei Kant. Ein Problem der Kritik der reinen Vernunft. В., 1971; Prauss G. Kant und Problem der Dinge an sich. Bonn, 1974; Gerhardt V., Kaulbach F. Op. cit, S. 28; Seidl H. Bemerkungen zu Ding an sich und transzendentalen Gegenstand in Kants Kritik der reinen Vernunft. — «Kant-Studien», В., 1972, Jg 63, Н. 3, S. 305—314; Hintikka J. «Dinge an sich» rev. — «Kant-Studien», В., 1974, Jg 65, S.—Н., Т. 1. S.

⁴⁷ См.: Moritz M. Über einige formale Strukturen des kategorischen Imperativs. — «Kant-Studien», В., 1974, S.-Н., Т. 1. S. 201—208.

⁴⁸ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 206.